

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

**Принцип взаимности в правовой помощи как институт  
международного частного права: от политической декларации к  
эффективному механизму сотрудничества**

**Годованик Евгений Валентинович**

Доктор юридических наук, доцент,  
ведущий научный сотрудник,  
Севастопольский филиал Института законодательства  
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,  
299011, Российская Федерация, Севастополь, ул. Ленина, 3;  
e-mail: conferencemdgu@mail.ru

**Квач Сергей Сергеевич**

Кандидат юридических наук, доцент,  
Балтийский государственный технический  
университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,  
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1;  
e-mail: kvachss@ya.ru

**Квач Ирина Валериевна**

Старший преподаватель,  
Балтийский государственный технический  
университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова  
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1  
e-mail: irina.kvach2015@yandex.ru

**Аннотация**

Принцип взаимности является одним из фундаментальных начал международного сотрудничества в сфере правовой помощи по уголовным, гражданским и административным делам. Несмотря на его декларативное закрепление в многочисленных международных договорах и национальных законодательствах, практическая реализация этого принципа сталкивается со значительными сложностями, препятствующими его трансформации в подлинно эффективный механизм сотрудничества. Данная статья анализирует сущность принципа взаимности, выявляет ключевые проблемы его применения и предлагает пути преодоления разрыва между политической декларацией и практической эффективностью.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Годованик Е.В., Квач С.С., Квач И.В. Принцип взаимности в правовой помощи как институт международного частного права: от политической декларации к эффективному механизму сотрудничества // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

**Ключевые слова**

Принцип взаимности, правовая помощь, международное сотрудничество, экстрадиция, взаимное признание судебных решений, международные договоры, эффективность сотрудничества, доверие, суверенитет, правоприменительная практика.

**Введение**

В условиях глобализации и роста транснациональной преступности, а также увеличения трансграничных гражданско-правовых споров, эффективное международное сотрудничество в сфере оказания правовой помощи становится неотъемлемым элементом функционирования правовых систем. Принцип взаимности, предполагающий, что государство оказывает помощь другому государству в ожидании или при условии получения аналогичной помощи в будущем или в конкретной ситуации, задумывался как краеугольный камень такого сотрудничества. Однако на практике этот принцип часто остается абстрактным лозунгом, не обеспечивающим предсказуемости и оперативности взаимодействия.

**Результаты и обсуждения**

Принцип взаимности, выступая краеугольным камнем международного сотрудничества в сфере правовой помощи, по своей сути отражает фундаментальную идею эквивалентности и сбалансированности во взаимоотношениях суверенных государств. Он выражается в ожидании и обязательстве того, что предоставление одним государством правовой помощи другому государству влечет за собой встречное предоставление аналогичной помощи в сопоставимой ситуации в будущем. Эта идея взаимной выгоды и добросовестности призвана компенсировать отсутствие наднациональных властных механизмов принуждения в международном праве.

Сущность принципа раскрывается через два взаимосвязанных, но не тождественных аспекта. Формальная взаимность представляет собой юридически значимое основание для сотрудничества. Она требует наличия либо специального международного договора, прямо обязывающего стороны оказывать помощь друг другу, либо официальных гарантий от запрашивающего государства о том, что в аналогичном случае оно предоставит запрашиваемому государству такую же помощь. Отсутствие такого договора или гарантий предоставляет запрашиваемому государству легальное основание для отказа в исполнении запроса. Материальная взаимность, в свою очередь, фокусируется на фактическом содержании сотрудничества. Она предполагает, что запрашиваемое государство, принимая решение об оказании помощи, руководствуется не только формальными гарантиями, но и реальной уверенностью, основанной на прошлом опыте и репутации запрашивающей стороны, что в схожей ситуации последняя действительно выполнит свои встречные обязательства. Здесь ключевое значение приобретает практика взаимодействия и уровень доверия между государствами.

Принцип взаимности нельзя отнести к основным принципам международного права, которые сформулированы в уставе Организации Объединенных Наций 1945 года (статья 2) [Устав ООН, 1945] правильнее его относить к специальным принципам, действующим только в отдельных отраслях международного права [Щелокаев, 2021, с. 43].

Как указывают современные авторы, «одной из основных проблем трансграничной несостоятельности является отсутствие единого толкования российскими арбитражными судами принципа взаимности» [Кучма, 2022, с. 127]. Рассмотрим правовую легализацию принципа взаимности.

Принцип взаимности в правовой помощи выражается в следующих основных аспектах:

1. Формальная взаимность. Требование наличия международного договора или гарантий со стороны запрашивающего государства о предоставлении аналогичной помощи в будущем. Без такого основания запрашиваемое государство вправе отказать в помощи.

2. Материальная взаимность. Фактическое предоставление помощи запрашиваемым государством в конкретном случае основано на уверенности, что в аналогичной ситуации запрашивающее государство поступит так же. Здесь ключевое значение приобретает практика и репутация государств.

Правовое закрепление принципа взаимности носит комплексный характер, реализуясь как на уровне международных договоров, так и в рамках национального законодательства. На международном уровне принцип взаимности является лейтмотивом подавляющего большинства соглашений, регулирующих вопросы правовой помощи. Он эксплицитно закреплен в ключевых многосторонних конвенциях, таких как Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года [Европейская конвенция, 1959], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция) 2000 года [Конвенция ООН, 2000], а также в бесчисленных двусторонних договорах об экстрадиции и правовой помощи. Типовые договоры, разрабатываемые под эгидой ООН, также неизменно включают взаимность в качестве основополагающего условия сотрудничества.

Национальное законодательство большинства государств мира инкорпорирует принцип взаимности, детализируя порядок его применения. Ярким примером служит законодательство Российской Федерации. Так, статьи 453, 460 и 462 Уголовно-процессуального кодекса РФ [УПК РФ, 2001] предусматривают возможность экстрадиции лица или оказания правовой помощи по уголовным делам иностранному государству при отсутствии международного договора, но на условиях взаимности, при наличии официальных гарантий соответствующего иностранного государства о готовности оказать Российской Федерации аналогичную правовую помощь. Аналогичные нормы содержатся в статье 407 Гражданского процессуального кодекса РФ [ГПК РФ, 2002] и статье 256 Арбитражного процессуального кодекса РФ [АПК РФ, 2002] в отношении правовой помощи по гражданским и коммерческим делам.

Таким образом, принцип взаимности трансформируется из абстрактной идеи взаимности в конкретное правовое основание для сотрудничества, заполняя пробелы в договорной сети и позволяя государствам взаимодействовать даже при отсутствии прямых договорных обязательств, но требуя при этом формальных подтверждений готовности к встречным действиям. Однако само по себе закрепление в договорах и законах еще не гарантирует эффективность его применения на практике, что порождает разрыв между декларацией и реальностью.

Несмотря на повсеместное признание, принцип взаимности сталкивается с серьезными вызовами, препятствующими его эффективному функционированию:

1. Проблема "первой помощи". Государство, запрашивающее помощь впервые или по новому типу дел, не может предоставить доказательства своей "добросовестности". Отсутствие истории сотрудничества парализует процесс.

2. Субъективность оценки. Решение о наличии "взаимности" часто принимается дипломатическими или политическими органами, а не судебными. Это вносит субъективность и политизацию в сугубо правовые вопросы. Оценка "аналогичности" ситуации также может быть спорной.

3. Задержки и бюрократия. Процедура получения гарантий взаимности через дипломатические каналы крайне медленная и бюрократизированная, что противоречит самой идее оперативной правовой помощи, особенно по уголовным делам.

4. Неопределенность и непредсказуемость. Отсутствие четких, универсальных критериев применения принципа взаимности создает правовую неопределенность. Запрашивающее государство не может быть уверено в получении помощи, даже если формально гарантии предоставлены.

5. Проблема доверия. Принцип взаимности напрямую зависит от уровня доверия между государствами. Различия в правовых системах, стандартах защиты прав человека, политические разногласия подрывают это доверие и служат основанием для отказа, маскируемого под отсутствие взаимности.

6. Конфликт с принципом взаимного признания. В рамках ЕС принцип взаимности постепенно вытесняется более прогрессивным принципом взаимного признания судебных решений, который минимизирует оценку решения иностранного суда запрашиваемым государством. Принцип взаимности же предполагает такую оценку по существу.

Приведенные проблемы обесценивают важную роль принципа взаимности, в силу чего, его применение крайне ограничено. Так, например, в литературе указывается, что «признание и приведение иностранных судебных решений о банкротстве на началах взаимности — явление крайне редкое, если не сказать несуществующее» [Фокин, Молибога, 2021, с. 119].

Как представляется, для преодоления разрыва и превращения принципа взаимности в реально работающий инструмент необходимы следующие меры:

1. Стандартизация процедур. Разработка на международном уровне (через ООН, Совет Европы, ШОС, БРИКС и др.) типовых протоколов и стандартизированных форм запросов о правовой помощи на основе взаимности, включая стандартные формы гарантий.

2. Повышение роли центральных органов. Наделение национальных центральных органов по правовой помощи (часто при Минюстах или Генпрокуратурах) полномочиями оперативно подтверждать наличие взаимности на основе установившейся практики и прецедентов, минуя длительные дипломатические процедуры. Создание прямых каналов связи между ними. Следует согласиться, что для реализации принципа взаимности необходимо достижение единства действий государств в лице национальных органов [Бугырцева, 2022, с. 266].

3. Формирование практики и прецедентов. Активное накопление положительного опыта оказания помощи на основе взаимности. Публикация и обмен информацией об успешных случаях сотрудничества.

4. Постепенный переход к "презумпции взаимности". Развитие доверия должно привести к ситуации, когда отсутствие негативного опыта (отказов в помощи со стороны запрашивающего государства) само по себе считается достаточным основанием для оказания помощи, если нет явных оснований для отказа (политическое преследование, нарушение прав человека).

5. Использование "отраслевой" взаимности: Применение принципа не только в целом к сотрудничеству между государствами, но и к конкретным видам правовой помощи (сбор доказательств, экстрадиция, признание решений) или категориям дел.

6. Цифровизация. Активное внедрение электронных систем подачи и обработки запросов на

правовую помощь, включая механизмы предоставления электронных гарантий взаимности, что значительно ускорит процесс.

7. Диалог и сближение правовых систем: Постоянный диалог между юристами, судьями, правоохранительными органами разных стран для сближения подходов, понимания правовых систем друг друга и укрепления доверия.

## Заключение

Принцип взаимности остается важной правовой основой международного сотрудничества в сфере правовой помощи, особенно в условиях отсутствия универсальных договорных обязательств или при взаимодействии с государствами, не связанными тесными узами доверия. Однако его потенциал как эффективного механизма сотрудничества в значительной степени недоиспользован из-за присущих ему проблем субъективности, неопределенности и бюрократизма.

Преобразование политической декларации о взаимности в реально работающий инструмент требует целенаправленных усилий со стороны государств и международного сообщества. Ключом к успеху являются стандартизация процедур, деполитизация процесса принятия решений, оперативная работа центральных органов, накопление позитивной практики и активное использование современных технологий. Только через укрепление практического взаимодействия и доверия принцип взаимности сможет эволюционировать от символа доброй воли к надежному и предсказуемому механизму обеспечения правосудия в глобальном мире. Движение от риторики к конкретным, отлаженным процедурам – это путь к подлинно эффективному международному сотрудничеству в правовой сфере.

## Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – Ст. 3012.
2. Бутырцева И.В. Развитие института международного сотрудничества в правовой регламентации международной правовой помощи по уголовным делам / И.В. Бутырцева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 6А. – С. 260-268. – DOI 10.34670/AR.2022.77.35.034.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 46. – Ст. 4532.
4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 08.11.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – N 23. – Ст. 2349.
5. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – N 40. – Ст. 3882.
6. Кучма И.С. Особенности правового регулирования трансграничной несостоятельности юридических лиц / И.С. Кучма // Эпомен. – 2022. – № 71. – С. 124-129.
7. Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политике и дипломатии. 1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1956. – Вып. XII. – С. 14-47.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – Ст. 4921.
9. Фокин Е.А. Перспективы иностранных судебных решений в российской юрисдикции: процессуальные проблемы признания и приведения в исполнение / Е.А. Фокин, П.О. Молибога // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 113-127. – DOI 10.12737/jr1.2021.023.
10. Щелокаев С.Ю. Значение принципа взаимности для исполнения решения суда на территории другого государства / С.Ю. Щелокаев // Право и общество. – 2021. – № 2(3). – С. 42-44.

---

## The Principle of Reciprocity in Legal Assistance as an Institution of Private International Law: From Political Declaration to an Effective Mechanism of Cooperation

**Evgenii V. Godovanik**

Doctor of Law,  
Associate Professor,  
Leading Researcher,  
Sevastopol Branch of the Institute of Legislation  
and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,  
299011, 3, Lenina str., Sevastopol, Russian Federation;  
e-mail: conferencemdgu@mail.ru

**Sergei S. Kvach**

PhD in Law,  
Associate Professor,  
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,  
190005, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;  
e-mail: kvachss@ya.ru

**Irina V. Kvach**

Senior Lecturer,  
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,  
190005, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;  
e-mail: irina.kvach2015@yandex.ru

### Abstract

The principle of reciprocity is one of the fundamental foundations of international cooperation in the field of legal assistance in criminal, civil, and administrative matters. Despite its declarative enshrinement in numerous international treaties and national legislations, the practical implementation of this principle faces significant difficulties that hinder its transformation into a genuinely effective mechanism of cooperation. This article analyzes the essence of the principle of reciprocity, identifies key problems in its application, and proposes ways to bridge the gap between political declaration and practical effectiveness.

### For citation

Godovanik E.V., Kvach S.S., Kvach I.V. (2026) Printsip vzaimnosti v pravovoy pomoshchi kak institut mezhdunarodnogo chastnogo prava: ot politicheskoy deklaratsii k effektivnomu mekhanizmu sotrudnichestva [The Principle of Reciprocity in Legal Assistance as an Institution of Private International Law: From Political Declaration to an Effective Mechanism of Cooperation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

**Keywords**

Principle of reciprocity, legal assistance, international cooperation, extradition, mutual recognition of judicial decisions, international treaties, effectiveness of cooperation, trust, sovereignty, law enforcement practice.

**References**

1. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002]. (2002). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 30, art. 3012.
2. Butyrteva, I.V. (2022). Razvitiye instituta mezhdunarodnogo sotrudnichestva v pravovoy reglamentatsii mezhdunarodnoy pravovoy pomoshchi po ugovnym delam [Development of the Institute of International Cooperation in the legal regulation of international legal assistance in criminal matters]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 12(6A), 260-268. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.35.034>
3. European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters. (1959). *Council of Europe*.
4. Fokin, E.A., & Molibog, P.O. (2021). Perspektivy inostrannykh sudebnykh resheniy v rossiyskoy yurisdiktsii: protsessual'nyye problemy priznaniya i privedeniya v ispolneniye [Prospects of foreign judicial decisions in Russian jurisdiction: procedural problems of recognition and enforcement]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 25(2), 113-127. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.023>
5. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002]. (2002). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 46, art. 4532.
6. Kuchma, I.S. (2022). Osobennosti pravovogo regulirovaniya transgranichnoy nesostoyatel'nosti yuridicheskikh lits [Features of legal regulation of cross-border insolvency of legal entities]. *Epomen*, 71, 124-129.
7. Shchelokaev, S.Yu. (2021). Znacheneye printsipa vzaimnosti dlya ispolneniya resheniya suda na territorii drugogo gosudarstva [The significance of the principle of reciprocity for the execution of a court decision on the territory of another state]. *Pravo i obshchestvo*, 2(3), 42-44.
8. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 N 174-FZ [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. (2001). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 52(Part I), art. 4921.
9. United Nations. (1945). *Charter of the United Nations*.
10. United Nations. (2000). *United Nations Convention against Transnational Organized Crime*.